

ДРЕВНЕЙШАЯ ТЕРРИТОРИЯ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА.

ГИПОТЕЗЫ И РАССУЖДЕНИЯ.

А. Бондаренко (Киев)

В "Повести временных лет" есть указания, что древнейшей прародиной славян, откуда началось их расселение, были земли, расположенные в бассейне Дуная. "По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаеви гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарска. И отъ техъ словѣнъ разидомася по земле и прозвасяса имены своими гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ".¹ Однако дунайская гипотеза прародины славян, которую активно разрабатывали Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, не получила признания в исторической литературе и подвергалась серьезной критике. Серьезные исследования по вопросу о прародине славян появляются только в XX в. Интересной и господствующей некоторое время, особенно в лингвистических кругах, была концепция А. А. Шахматова о двух прародинах славян. Академик Шахматов, во-первых, исходя из того, что праславянский язык выделился из балто-славянского праязыка, территорией этого языка считал Прибалтику. Во-вторых, он полагал, что передвижение различных этнических образований, племенных группировок в Европе в общем было направлено с севера на юг. Различные племенные объединения по мере возможности пробивались на юг, к благодатному южному климату, богатой южной природе. При распадении балто-славянского праязыка славяне, судя по тому, что они в дальнейшем продвинулись в Европе дальше к западу, чем балтийцы, заняли западную часть первоначальной территории, т. е. Прибалтику, а балтийцы оказались восточнее их, в бассейне западной Двины и в верхнем Поднепровье. Подтверждение своей мысли о последующем расселении славян западнее балтийцев А. А. Шахматов усматривал в том, что первым известны были названия растений тис и *плюш*, а эти растения не встречаются восточнее линии, проходящей через Эстонию, Латвию, Вильнюс, Гродно, Каменец-Подольский и Кишинев. Доказательством же более восточного расположения балтийцев он считал довольно значительное количество слов, заимствованных из балтийских языков в финские.

Итак, Прибалтика была первой прародиной славян. К югу и западу от них располагались германцы, результатом чего было немалое количество заимствований в праславянский из германских диалектов. В конце II в. н. э. готы, занимавшие бассейн Вислы, двинулись оттуда на юг, к нижнему Дунаю. Воспользовавшись этим, славяне устремились в опустевшее Повислинье, которое и стало второй прародиной славян. Отсюда часть славянских племен стала расселяться дальше на запад, в результате чего праславянский язык разделился на западную и восточную ветви. Во

второй половине V века восточно-славянские племена, воспользовавшись поражением гуннов в центральных областях Европы, двинулись на юг. В процессе этого передвижения часть их направилась к нижнему течению Дуная и постепенно обосновалась на значительной территории Балканского полуострова. От них происходят южные славяне. Другая часть заняла области между Прутом и Днестром (в его нижнем течении), но потом под давлением кочевников, устремлявшихся в нижнеднепровские степи, отступила к северу, на среднее Поднепрорье. От этих племен происходят восточные славяне.

А. А. Шахматов не имел в своем распоряжении достаточных данных для надежного установления прародины славян, и последующими исследованиями некоторые его положения были опровергнуты. Прежде всего не подтвердилось мнение о первоначальной прародине славян в Прибалтике, поскольку выяснилось, что в начале первого тысячелетия до н. э. балтийские племена занимали не только Прибалтику, но и приморскую часть территории между Вислой и Одером. Притом название дерева тис многие ученые считают более поздним заимствованием в славянский из какого-то другого языка, скорее всего из германского. Предположение о прародине славян на Висле возможно, но доказательства Шахматова по этому вопросу недостаточны.

С 1902 по 1921 г. в Праге выходило семитомное исследование Л. Нидерле "Славянские древности" (*Slovanské starožitnosti*),² в котором значительное место было уделено проблеме прародины славян. Нидерле собрал большой и разностроный материал: подверг анализу лексический состав праславянского языка, славянскую топонимию, контакты славян с другими народами, привлек исторические и археологические данные, но, подходя к решению вопроса со всей научной серьезностью и объективностью, не мог решить его определенно и твердо. На основании своих данных он предполагал, что славяне занимали территорию между Вислой и средним течением Днепра, достигая на востоке верховьев Дона. Его гипотезу называли вислднепровской.

Точку зрения Л. Нидерле впоследствии активно поддержал, но с некоторыми поправками, известный славист Ф. П. Филин. Он полагал, что славянские племена во второй половине первого тысячелетия до н. э. занимали территорию по среднему течению Днепра, достигая на западе верховьев Западного Буга и захватывая на востоке области между нижним течением Десны и Сожа. Он исходил из того, что, по данным лексикона, славяне проживали в лесной полосе, вдали от моря и гор. "Между иранцами и балтийцами, - отмечает Ф. П. Филин, - лежал славянский массив, поэтому иранские заимствования в балтийских языках отсутствуют".³ По данным языковых контактов, к северу и востоку от славян находились балтийцы, к востоку и югу - иранские племена (скифы). Западных соседей славян Филин не определяет. Контакты славян с германцами он относит к первым векам н. э. Эта теория получила название среднеднепровской.

Выдающийся польский славист Тадеуш Лер-Сплавинский в книге "О происхождении прародины славян", вышедшей в Познани в 1946 г., определил прародину славян как территорию между Вислой и Одером, т.е. территорию Польши. Он привлек к решению этого вопроса материал праславянской лексики, в особенности то-

понимии, данные языковых контактов, археологические и антропологические материалы. В области гидронимии он, в частности, обратил внимание на то, что в Поднепровье есть немало названий рек того же корня, что и в Повислинье, но в Повислинье обнаруживаются в основном первоначальные названия, а в Поднепровье — производные от них (например Коляма в Польше, Колямейка — приток Припяти на Украине, Осна в Польше, Осиа в Белоруссии), из чего он делает вывод о движении славян в Поднепровье с висло-одерской территории. Анализ языковых контактов в сочетании с определенной интерпретацией археологических данных привел Т. Лер-Сплавинского к выводу, что во втором тысячелетии до н. э. славяне занимали территорию западнее балтийцев, но восточнее германцев, на юго-востоке от них жили иранцы, а с юго-запада они подвергались давлению со стороны носителей лужицкой культуры (распространенной в центральной Европе), которых автор считает кельтами, иллирийцами; результатом контактов с кельтами он считает ряд слов кельтского происхождения, обнаруженных им в славянских языках.

Висло-одерскую теорию прародины славян отстаивали и некоторые другие польские ученые (М. Рудницкий, К. Яжджевский, И. Костшевский и др.). Против нее выступили К. Мошинский, Г. Зламин и наиболее решительно — Ф. П. Филин. В поддержку висло-одерской теории выступили советские археологи В. В. Седов и Ю. В. Кухаренко. В недавнее время висло-одерская теория получила мощную поддержку в глубоких исследованиях слависта В. В. Мартынова. Он обратил внимание на то, что прусский язык имеет существенные отличия от восточно-балтийских — литовского и латышского — и славянские языки имеют наиболее глубокие связи именно с прусским. Эти связи он обнаружил не только в лексике, но и в именном суффиксальном словообразовании, что очень показательно для родства языков. Эти факты привели В. В. Мартынова к выводу, что задолго до нашей эры прибалтийский язык разделился на западную и восточную части и происхождение праславянского языка связано с западно-балтийским, который, по его данным, был распространен между Вислой и Одером, а восточно-балтийский — к востоку от Вислы, в Прибалтике и верхнем Поднепровье. Кардинальное значение для проблемы происхождения и прародины славян имеет обнаруженный В. В. Мартыновым значительный слой лексики италийского происхождения в праславянском языке, причем слова италийского происхождения обычно сосуществуют в славянских языках как абсолютные синонимы с исконными балто-славянскими словами. Италийская лексика могла быть внесена в праславянский (точнее, протославянский) язык только носителями лужицкой культуры, которые в XII—IX вв. до н. э. достигали бассейнов Одера и Вислы. Исходя из этих фактов, В. В. Мартынов полагает, что праславянский язык образовался именно в этот период из какого-то диалекта западно-балтийского происхождения, происходило это на территории между Одером и Вислой.

Этот вывод относительно прародины славян подтверждается исследованием более поздних контактов славян с другими племенами. Исследование В. В. Мартынова дает вполне убедительные результаты, потому что он разрабатывал методiku, позволяющую определить с полной достоверностью, из какого языка в какой

ило заимствование того или иного слова. Он установил, что в VI-V в. до н. э. славяне заимствовали ряд слов из какого-то иранского языка, что могло идти только от скифов, которые в эту эпоху достигали бассейна Вислы, а в V-III вв. до н. э. славяне имели интенсивные контакты сначала с германцами, которые тогда могли находиться по нижнему течению Одера, потом с кельтами, которые в III в. до н. э. вышли к верховьям Одера. Подобные факты говорят о том, что в эти периоды славяне продолжали оставаться на своей прародине между Вислой и Одером.

Однако материалы, собранные другим выдающимся славистом С. Н. Трубачевым, заставляют внести важные коррективы в теорию В. В. Мартынова. О. Н. Трубачев прежде всего отрицает происхождение праславянского языка от прибалтийского. На основании анализа славянской и балтийской лексики в процессе работы над этимологическим словарем славянских языков он утверждает, что в славянских и балтийских языках наряду с общим лексическим фондом есть и значительные расхождения в лексике, которые не могут быть сведены к результатам италийского (или какого-либо иного) иноязычного влияния. Отличает он существенные различия и в грамматическом строе, которые вполне согласуются с тем фактом, что в конце второго тысячелетия до н. э. ни славяне, ни балтийцы не занимали территории между Вислой и Одером и были разделены между собой. Тесные контакты между ними на висло-одерской территории возникли позже.

О. Н. Трубачев обращает внимание на общие элементы в балтийской и фракийской (на Балканском полуострове и в Малой Азии) топонимике и делает из этого вывод, что балтийцы во втором тысячелетии до н. э. жили не в Прибалтике, а южнее (примерно где-то к северу от Карпат) и имели контакты с фракийцами (которые располагались к югу от них), но в том же тысячелетии продвинулись к низовьям Вислы. Контакты же славян с италийцами могли иметь место в центральной Европе, наиболее вероятно - по среднему течению Дуная, потому что во втором тысячелетии до н. э., по историческим данным, италийцы из центральной Европы уже подвигались к югу. На той же территории в том же тысячелетии славяне могли иметь контакты с иллирийцами, которые также продвигались с севера Европы на юг. Несколькими позже на той же территории возникло взаимодействие между славянскими и кельтскими племенами (от них славяне заимствовали металлургию и кузнечное дело), которые дальше верховьев Вислы не проникли. На той же территории могли происходить контакты славян с германцами. Тезис о среднедунайской прародине славян О. Н. Трубачев подтверждает также памятью славян о Дунае, которая отразилась, с одной стороны, в записи летописца Нестора в "Повести временных лет" и, с другой стороны, в фольклоре славянских народов, а также контактами славян с даками, отразившимися в ряде топонимов, и их археологическими данными. Из последних наиболее показательным является распространение характерного для славян типа жилища от среднего Дуная до Днестра и на севере - до Вислы.

В настоящее время стремясь выяснить происхождение славян, их древнейший физический облик и первоначальную территорию обитания, ученые исходят, в первую очередь, из свойств индоевропейского праязыка, уже достаточно полно изученных, и из

той неоспоримой истины, что раз когда-то был в употреблении этот праязык, то, естественно, тогда же существовал и индоевропейский пранарод - предок всех современных славян, германцев, романцев, кельтов, балтов, греков, армян, персов, народов Индии, исчезнувших хеттов, сарматов, скифов, фракийцев и пр. Некоторые ученые называют этот народ ВИРОС, так как *vīros* по-индоевропейски скорее всего человек (сравни латышское *vīrs*, литовское *vūgas*, древнеисландское *fer* - все в близких значениях "мужчина", "человек", "хозяин", а также древнерусское выражение "штраф за убийство мужчины".⁴ Во-вторых, ученые учитывают тот факт, что любой народ, проживая в определенной местности, общается с другим народом, проживающим на смежной территории, результатом такого общения являются языковые контакты и как результат - лексические и семантические заимствования, кальки во взаимодействующих языках. Таким образом, судить о происхождении и первоначальной территории славян можно по степени родственных связей славянских языков с другими индоевропейскими и по общим древнейшим заимствованиям в славянских языках из языков соседних народов.

Анализируя исконную праславянскую лексику, географическое распространение отдельных лексем, лингвисты обратили внимание на то, что в лексическом составе праславянского языка представлены названия ландшафтов, деревьев, диких животных, птиц и рыб, характерные для лесной зоны. Это такие названия как *дубрава, лес, пуца, луг, река, озеро, болото, дуб, береза, липа, ель, осина, ясень, верба, волк, медведь, лиса, заяц, зубр, тур, вепрь, гусь, лебедь, голубь, стрижь, ворона, сом, окунь, лить, лец, щука*. Вместе с тем ученые пришли к выводу, что в праславянской лексике не было исконных слов для обозначения степи, гор, моря.

Слово *сьтерь* в праславянском сначала обозначало дорогу, путь (ср. в русском *топать, топтать*) или лесную вырубку (с корнем *тер*: как в праславянском глаголе *терг* - "рублю"). **Стьерь* образовано от глагола **steti*, причем значение этого слова развивалось по двум направлениям: "бить, колотить" - "топтать" и "бить" - "рубить". Если в слове *стель* отразилось первое значение, то его можно объяснить как "вытопанное место", если же второе, то сущестительное *стель* могло значить "вырубленное, без леса место". Из языков восточных славян слово *стель* проникло в некоторые другие славянские и неславянские языки. Например, чешское *step*, немецкое *Steppe*, французское *steppe*.

Слово *гора* обозначало у древних славян "лес" или "холм, поросший лесом" (сравни болгарское и сербское *гора* - "лес"; русское диалектное *горящина* "изделия из дерева: лопаты, оглобли, совки и др., литовское *giria* - "лес"). Позже *гора* - "возвышенность", "верх". (Сравни украинское *горище* - "чердак", древнерусское *горница* - "комната в верхней части дома", болгарское *горница* - "возвышенность", польское *gorpla* - "верхний, высокий").

Слово *море* в праславянском языке "большое пространство стоячей пресной воды" (сравни литовское *mores* - "озеро, болото, устье реки"; французское *mare* - "лужа", *marécage* - "болото"; в древнерусском *Чудское море* - "озеро"); уместно в этом

случае вспомнить русскую поговорку "на то и щука в море, чтобы карась не дремал".

Необходимо отметить, что в праславянской лексике отсутствует слово для обозначения янтаря, а если бы славяне жили в Южной Прибалтике, где он добывался, или около путей, по которым янтарь доставлялся в Грецию, то они, безусловно, имели бы лексему для обозначения этой реалии. Теперь употребляемые славянами названия янтаря - все поздние заимствования из неславянских языков. Например, польское *bursztyn* из немецкого *Bernstein*, болгарское *кехлибар* из турецкого *kehlibar*, русское *янтарь* из литовского *gintaras*.

На наш взгляд, немаловажно, что древнеславянский языческий земледельческий календарь свидетельствует о подсечном земледелии у славян, а оно могло развиваться только в лесной полосе. Январь древние славяне называли *сечень*, потому что в этом месяце секут (подрубают) деревья. Март, у древних славян *березозол*, месяц, когда сжигают деревья, превращают в золу, удобряя будущую пашню (отсюда украинское *березиль*, *березень*, польское *brzeziel*). Май - *травень*, когда земля покрывается травой, июнь - *червень*, *червец*, когда краснеют цветы и ягоды, июль - *липень*, когда цветет липа, август - *серпень*, *жнивень*, когда серпом жнут хлеба, сентябрь - *вересень*, когда молотят хлеба (от **verstī* - "молотить"), ноябрь - *листопад*, когда с деревьев опадают листья.

К древнейшим славянским гидронимам относят и такие названия, как *Дубня*, *Березина*, *Тетерев*, *Велрь*, *Ельня*, *Уж* и другие, которые связаны с лесной полосой.

Судя по всем этим фактам праславяне первоначально жили где-то в полосе смешанных лесов, вдали от Черного и Балтийского морей, от степей Черноморья и Карпатских гор.

Важные данные по вопросу о древнейшей территории славян можно получить из анализа лексем, проникших из праславянского языка в другие языки и наоборот. Такое взаимодействие свидетельствует о контактах между народами, которые возможны только при соседстве их территорий. Например, значительное количество слов, которые проникли из праславянского в прагерманский и наоборот, свидетельствует о длительном проживании славян по соседству с германскими племенами.⁵ Например, прагерманское *hwarta* "быстрый, храбрый, ловкий" проникло в праславянский с теми же значениями. Германскими по происхождению являются слова *блюдо* (готское *biuds* - "стол"), *котел* (готское *katilus* - "котел"), *крест* (древневерхнемецкое *krist* - "крест"), *купити* (готское *kaupon* - "торговать"), *князь* (древневерхнемецкое *ku-njāz* - "вождь"), *витязь* (исландское *viking* - "храбрец") и др. Довольно много в праславянском языке заимствований из иранских языков. Например, *кумирь* - рус. *кумир* (осетинское *gumeri* - "великан"), *могила* - рус. *могила* (иранское *mođu-ula* "холм мага"), *топорь* - рус. *топор* (иранское *tapara* - "топор"). Предположительно фракийскими являются названия рек *Дунай*, *Днепр*, *Днестр*.⁶ Кельтскими по происхождению являются слова *брага* - рус. *брага* (ирландский *braich* - "солод"), *слуга* - рус. *слуга* (ирландское *sluag* - "отряд"), *тесто* - рус. *тесто* (ирландское *tais* - "тесто").

Если исходить из данных, полученных учеными при изучении языковых контактов древнейших славян, то можно прийти к выводу, что праславяне обитали по соседству с иранцами, скифами и сарматами, фракийцами, кельтами, германцами и балтами. Показательно, что в праславянском словаре языковеды не отмечают слов бесспорно тюркского, финского и греческого происхождения. Значит, праславяне непосредственными соседями тюрков, греков и финнов не были.

Факты, обнаруженные В. В. Мартыновым,⁷ несомненны, и они составляют надежную основу для решения вопроса о славянской прародине, но выводы из них могут быть сделаны и другие. Общность между праславянским и прибалтийским (в особенности западно-балтийским) языками не означает, что праславянский образовался из западно-балтийского, потому что наряду с общими чертами в этих языках есть и существенные различия, которые не могут быть объяснены влиянием италийского языка (особенно в морфологии глагола). Несомненным остается очень древнее и длительное взаимодействие между праславянским и прибалтийским языками, но это взаимодействие могло происходить и южнее бассейнов Вислы и Одера, когда славяне занимали территории по среднему и нижнему течению Дуная, а балтийцы — к западу от них. Несомненно взаимодействие праславянского с праиталийским, но и оно могло происходить в центральной Европе, а в V-III вв. до н. э. славяне уже занимали бассейн Одера, доходя до Вислы, и здесь могло происходить взаимодействие праславянского с прагерманским. О. Н. Трубачев в заключительной части своей последней статьи⁸ из серии, опубликованной в "Вопросах языкознания", признает правильность восточной и западной границ праславянской территории, указанных Мартыновым, но на севере славяне до н. э. вряд ли достигали морского побережья, и южная граница, по данным В. В. Мартынова, остается неопределенной. Материалы, представленные О. Н. Трубачевым, указывают на то, что эта граница проходила в районе среднего течения Дуная.

Так, языковеды, находя все новые и новые данные, совершенствуя метод их анализа, преодолевая односторонность суждения, приближаются к надежно обоснованному решению проблемы древнейшей территории славян.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Повесть временных лет. (Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. Москва - Ленинград 1950, с. 11)
- 2 НИДЕРЛЕ, Л.: Славянские древности. Москва 1950.
- 3 ФИЛИН, Ф. П.: Образование языка восточных славян. Москва - Ленинград 1962, с. 147-148.
- 4 ЧАТТЕРДЖИ, С. К.: Введение в индоевропейское языкознание. Москва 1977, с. 43.
- 5 МАРТЫНОВ, В. В.: Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск 1963.
- 6 ГЕОРГИЕВ, В.: Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. Москва 1958, с. 112-145.
- 7 МАРТЫНОВ, В. В.: Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. Москва 1983.
- 8 ТРУБАЧЕВ, О. Н.: Языкознание и этногенез славян. Вопросы языкознания, 1982, 4, 5; 1984, 2, 3; 1985, 4, 5.